

А.Я. Вышинский

**Теория судебных
доказательств в советском
праве**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
А11

А11 **А.Я. Вышинский**
Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 220 с.

ISBN 978-5-458-51193-3

В монографии рассмотрены такие вопросы, как: актуальные задачи советской юриспруденции и суда, теория формальных доказательств, английское доказательственное право, советское доказательственное право и др.

ISBN 978-5-458-51193-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Когда, читаем мы у Franquille в его «La système judiciaire de la Grande Bretagne», по делу Томсена в Палате лордов был возбужден вопрос о том, что Высший уголовный суд (Courts of Crown cases reserved) явно изменяет закон, то лорд-канцлер ответил: «Приговор суда не подлежит обсуждению парламента, а судей нельзя обвинять в нарушении закона, так как только они могут сказать, что такое закон».

Такое отношение к судебному приговору говорит не только об исключительной роли суда в государственной системе. Оно говорит также о том, что суду принадлежит чрезвычайно активная роль в осуществлении общей политики, что судебное решение в некоторых странах считается способным создавать и изменять важнейшие институты публичного и частного права. Не случайно поэтому английская теория права различает наряду с законодательством или правом общим еще и право, создаваемое судебными прецедентами (case law — закон, основанный на практике судебных решений): столь важное значение придается сторонниками этой теории судебной деятельности, приравниваемой к деятельности законодательной.

Некоторые ученые судебному решению придают такое значение, что самое появление закона объясняют действием судебных решений. Мэн в своей работе «Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям» высказывает мысль, что «...судебные приговоры и решения, основанные на прежних примерах, предшествуют составлению общих правил, основных положений и классификаций»¹.

Гомеровские «Фемиды» («Themistes»), по Мэну и Гроту, — это приговоры царей, они предшествовали закону.

«Литература героического периода, — говорит Мэн, — показывает нам закон в его зародыше под видом «Фемид» и в более развитом состоянии в понятии «Δίκη» (справедливость)»².

«Эпоха закона» — уже следующая ступень в развитии права. Она соответствует появлению в обществе классов, связана с усилением и обострением классовой борьбы.

Не останавливаясь на этом последнем вопросе, как непосредственно не относящемся к данной теме, я сделал указанную

основанное на судебных приговорах («Die Praxis ist das in den Urtheilen den Richter aufgestellte Recht»).

Проф. Петражицкий также признает судебную практику в известных условиях источником права, утверждая, что эта практика иногда получает в психике людей значение нормативного факта. Право, возникающее из судебной практики, и отдельные преюдиции (главным образом решения высших судов), проф. Петражицкий объединяет в особом понятии преюдициального права. Ошибка проф. Петражицкого в этом вопросе органически связана с его теорией так называемого интуитивного права (см. Петражицкий, Теория права и государства в связи с теорией нравственности, СПб, 1910, т. II, стр. 572, 579).

¹ Г. С. Мэн, Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям, пер. Н. Белозерский, СПб, 1873, стр. 7.

² Там же.

выше ссылку на Мэна лишь для того, чтобы показать, какое исключительное значение склонны придавать судебной практике некоторые историки права.

Однако господствующая в науке права точка зрения по этому вопросу отказывается рассматривать судебную практику как источник законодательства. «Назначение судов, как органов правосудия, — говорит Иордан, — состоит в том, чтобы изрекать право (*jus reddere*), т. е. применять нормы действующего права к отдельным случаям, встречающимся в жизни».

«Судебная деятельность есть всегда только применение если и не буквы, то духа закона, всегда только развитие этого духа; никогда не имеет она и не может иметь законодательного характера»¹, — читаем мы там же.

Один из авторитетных юристов дореволюционной России — проф. Фойницкий — также отрицает за судебной деятельностью законодательный характер, так как она, по его словам, подзаконна и ограничивается рамками данного дела: «*Judex lex fecit inter partes*»².

«Судья творит закон» — это неправильное определение судебной деятельности. Правильнее было бы говорить не о творчестве закона, а о его творческом применении, т. е. о таком применении закона, которое опирается на творческие начала, на инициативное, независимое от каких-либо внешних влияний и условностей его понимание и применение на практике. Можно говорить лишь о применении судьей закона к конкретным обстоятельствам дела, но это не есть законодательствование, это даже не толкование закона, хотя с внешней стороны здесь и имеется некоторое сходство с толкованием закона; это только применение закона по своему разумению к конкретному случаю (факту).

Однако, как бы мы ни смотрели на судебную деятельность с точки зрения приближения ее к законодательным функциям, несомненно одно: судебная деятельность представляет собой одну из наиболее мощных функций государственного управления, одно из могучих средств государственной политики. Значение этой деятельности таково, что иногда в судебной деятельности видят даже один из источников действующего права, что в отношении к советскому праву совершенно неправильно.

Советский суд не создает нового права. Советские судьи — не законодатели. Советские судьи призваны не творить право, а осуществлять правосудие в соответствии с требованиями закона.

«Судьи, — говорит Сталинская Конституция, — независимы и подчиняются только закону» (ст. 112).

¹ Демченко. Судебный прецедент, Варшава, 1903, стр. 78—79, 80.

² Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, СПб, 1902, т. I, стр. 155.

Судьи подзаконны. Судебная деятельность не является источником закона; наоборот, закон является источником судебной деятельности. Качество судебной деятельности определяется ее соответствием принципам и требованиям закона. Закон выражает собой то, что считают справедливым, выгодным и угодным для себя господствующие классы.

Закон формулирует свои требования в соответствии с интересами и выражающим эти интересы правосознанием этих классов. Судебная практика должна полностью отвечать этим требованиям. Следовательно, судебная практика не может быть источником права. Она должна быть и является в действительности деятельностью, целиком и полностью строящейся в соответствии с принципами позитивного права, с его особенностями и отличиями. Значение судебной деятельности определяет общественно-политическое значение судебного приговора или судебного решения, в которых не только даются ответы на вопрос о виновности или невиновности подсудимого, об обоснованности исковых притязаний и, таким образом, разрешается ряд вопросов, связанных с тем или иным конкретным судебным делом, но в которых находит свое выражение общая политика данного государства. В судебных решениях выражается отношение государственной власти к тем или иным общественным явлениям, находящимся в сфере внимания суда. В силу всех этих обстоятельств приговор или решение, выносимые судом, должны удовлетворять специальным требованиям. Первое из этих требований — это убедительность судебного приговора или решения. Всякое постановление суда должно быть убедительным, должно создавать в общественном мнении уверенность в безусловной правильности и справедливости выраженного в нем судейского решения.

Убедительность постановления суда означает уверенность не только в том, что оно полностью соответствует обстоятельствам дела, задачам и принципам выраженной в приговоре судебной политики. Убедительность судебного решения¹ означает также уверенность в исчерпывающем анализе всех обстоятельств дела, в том, что дело решено с учетом всех обстоятельств, какие только возможно было установить и выяснить. В применении к уголовным делам это означает такой анализ всех обстоятельств дела, при котором полностью вскрыты действия и факты, составляющие преступление, выяснены условия и факты, способствовавшие его осуществлению, исчерпывающе установлены основные причины, породившие данное преступление.

Эта сторона дела всегда привлекала особенное внимание буржуазии, весьма заботящейся о том, чтобы приговоры и решения

¹ В данном случае, как и во всех аналогичных случаях, мы имеем в виду судебное решение в широком смысле слова, включая и судебные приговоры, т. е. решения по уголовным делам.

ее судов выглядели возможно более убедительно и авторитетно, внушали к себе подобающее уважение, вызывали «священный трепет» в умах и сердцах народа. Известный английский юрист Джеймс Стифен откровенно выразил эту мысль еще в прошлом столетии в следующих словах, высказанных в работе «Уголовное право Англии»:

«Надобно помнить, что для общества важно в одинаковой степени не только то, чтобы приговоры были справедливы, но и то, чтобы они признавались (разрядка моя. — А. В.) были справедливыми»¹.

Это замечание, верное само по себе, в применении к приговорам и решениям буржуазных судов имеет еще тот смысл, что, внушая народным массам или «обществу» иллюзию справедливости творимого буржуазией правосудия, она использует суд как тонкое, говоря словами Ленина, орудие порабощения трудящихся.

Совершенно бесспорно, что с того момента, как решения и приговоры судов лишаются в глазах общества или населения убедительности, суды теряют весь свой авторитет. Смысл буржуазной юстиции, широко использующей судебный процесс в целях защиты и охраны капиталистической эксплуатации, заключается не только в том, чтобы расправиться с трудящимися по всем правилам буржуазного судопроизводства, но еще и в том, чтобы создать у населения, в народных массах убеждение, что никакой расправы нет, что суд разрешил дело «справедливо», что этому «справедливому» решению нужно подчиниться как неизбежному «воздаянию» за причиненное преступлением «зло». Смысл буржуазного, как и всякого иного эксплуататорского, процессуального права заключается вовсе не в том, чтобы обеспечить обвиняемому какие-то гарантии, о которых лицемерно кричат буржуазные законодатели, политики, философы, юристы и т. д. Процессуальные «права» и «гарантии», предоставляемые буржуазным процессуальным правом обвиняемому, являются лишь неизбежным следствием процессуального порядка разбирательства уголовных дел. Основное назначение этого «процессуального порядка» состоит в охране существующих буржуазных отношений, а вовсе не в гарантировании обвиняемому свободы защиты и не в защите обвиняемого от произвола государственных органов. Процессуальные права обвиняемого в буржуазном суде являются лишь следствием наиболее радионального способа защиты эксплуататорами своих классовых интересов, способа воздействия на сознание людей с целью внушить им мысль о справедливости вынесенного судом решения или приговора.

Задача буржуазного суда, как и суда всякого другого эксплуататорского государства, в уголовных делах состоит не только

¹ Стифен, Уголовное право Англии в кратком очертании, пер. В. Спасовича, СПб, 1865, стр. 268.

в том, чтобы расправиться согласно требованиям закона с его нарушителями, особенно из числа трудящихся, но еще и в том, чтобы создать у народных масс убеждение в правильности, справедливости и необходимости определенного судом наказания. Именно таким образом буржуазный и вообще эксплуататорский суд выполняет свое историческое призвание — охранять интересы господствующего в этом обществе меньшинства, внушая наиболее отсталым слоям трудящихся уважение к закону и суду эксплуататоров как к суду если не очень «скорому», то во всяком случае «правому и милостивому».

Чем более «убедительно» будут звучать слова приговора, произнесенного судьей, тем более будет оправдано назначение этого суда как «тонкого» орудия обмана и угнетения масс, как своеобразного и вместе с тем страшного орудия расправы и подавления. Роль судебного процесса и судебной машины в эксплуататорских государствах определяется в значительной степени именно этой его функцией воздействия на умы людей, функцией морально-политической обработки общественного мнения.

Эту роль неплохо выполнял до последнего времени в буржуазных странах суд присяжных, хотя за последние годы авторитет этого суда и практические достоинства, связанные с такими его особенностями, как демократичность, независимость, состоятельность, объективность и пр., в значительной мере померкли, уступив свое место более упрощенным формам судебной деятельности. В настоящее время суд присяжных, как и суд шэффенов, потерял свое значение. В прошлом, в известных исторических условиях, этот суд, однако, был буржуазии весьма полезен и нужен.

Этот суд был ценен тем, что он создавал иллюзию участия в судебных решениях самого общества, вуалировал угнетательский характер судебной деятельности в капиталистических странах, давал возможность прикрасить эту деятельность, изобразить ее не как работу враждебного народу чиновничьего аппарата, а как работу общественную, как деятельность народных представителей, самого народа.

Нельзя в этой связи не напомнить слова Джемса Стифена, подчеркнувшего, что «уголовное правосудие есть самая обыкновенная, самая разительная и самая интересная форма, в которой верховная власть дает о себе знать огромному большинству своих подданных»¹.

Стифен правильно подметил эту особенность буржуазного правосудия, хотя и неправильно обобщил свой вывод, отвлекаясь от классового характера суда. Замечание Стифена с нашей точки зрения имеет еще и тот смысл, что оно подчеркивает также то обстоятельство, что при помощи суда «верховная власть»,

¹ Стифен, Уголовное право Англии в кратком очертании, пер. В. Славовича, СПб, 1865, стр. 268.

т. е. господствующий в данном обществе класс, получает широкие возможности организовать и направить общественное мнение страны в соответствии со своими задачами и классовыми интересами.

Это обстоятельство не ускользнуло от пронизательного взора Стифена, особенно ценящего в суде присяжных два его качества: первое — способность именно этого суда, больше чем какого-либо другого, создавать в обществе умеренность и справедливости приговора и второе — служить, как выражался Стифен, клапаном безопасности для общественных страстей.

«Образ действий правосудия, говорит Стифен, не может быть вполне беспристрастен, если только он должен пользоваться общественным сочувствием, потому что право само есть грубое и несовершенное средство, а безусловно непреклонное применение его во всяком возможном случае не могло бы быть терпимо».

Вот тут-то и обнаруживается вся польза института присяжных.

«Для массы публики, которая не вдается в детали, кончатся на грубых очертаниях и заботится более о частных результатах, нежели об общих правилах, эта гибкость института присяжных содействует популярности отправления правосудия», говорит Стифен и добавляет: «Это такая выгода, за которой законодатель не следует гоняться, но когда она к счастью случится наконец, то нельзя ею пренебрегать легкомысленно»¹.

Наивысшее последнее умозаключение знаменитого английского юриста не умаляет значения этого поистине замечательного с точки зрения классовой правды рассуждения. Стифен безусловно правильно и метко подчеркивает общественно-политическое значение суда в буржуазной государственной системе. Это значение суда объясняет, почему буржуазные правительства так тщательно оберегают авторитет своих судов, стараясь создать вокруг их деятельности ореол беспристрастия, непогрешимости, почти святости. Они всячески стремятся замаскировать подлинную роль своих судов как аппарата угнетения, как тонкого орудия защиты денежного мешка (Ленин). Аппарат и деятельность своей юстиции буржуазия ставит в условия особой авторитетности, создаваемой специальным процессуальным ритуалом, быющим на известную импозантность. Внешние атрибуты судебной власти, а также следственной и прокурорской власти рассчитаны на всемерное поддержание их авторитета. Однако одни внешние средства для этого были бы недостаточны. Важно обеспечить следственным, прокурорским и особенно судебным органам и соответствующее этой задаче качество их работы. Государство заинтересовано в правильном функционировании

¹ Стифен, Уголовное право Англии в кратком очерчении, пер. В. Славовича, СПб, 1865, стр. 270.

своего аппарата, в таком качестве работы своего судебного механизма, которое обеспечивало бы лучшее разрешение стоящих перед юстицией классовых задач в деле государственного управления.

§ 2. Задачи советского процессуального права

Назначение процессуальных правил заключается в обеспечении судебным, прокурорским и следственным органам таких условий их деятельности, которые в максимальной степени гарантировали бы правильность функционирования органов суда и прокуратуры. В этом и состоит важнейшее значение процессуальных норм, регулирующих деятельность суда, следственных и прокурорских органов при разрешении стоящих перед ними задач. Эти нормы определяют порядок процессуальных действий различных органов суда, следствия и прокуратуры, порядок и способы проверки правильности этих действий, в частности правильности судебных решений и приговоров, основания, по которым эти решения могут быть признаны правильными или неправильными, могут или должны быть опротестованы, изменены или вовсе отменены.

Кассационная и ревизионная деятельность соответствующих судебных органов и органов прокуратуры преследует не только задачи обеспечения правильности разрешения конкретных дел и конкретных вопросов судебной практики. Она преследует также и задачи охраны судебного авторитета, стоящего в прямой зависимости от того, насколько удовлетворительно работает суд, насколько его деятельностью обеспечено осуществление в стране правосудия.

В значительной степени именно этим стремлением охранить авторитет суда объясняется и обязательность отмены решений или приговоров, постановленных с нарушением процессуальных правил, предусматривающих элементарные гарантии надлежащего качества судебной работы. Во всех законодательствах содержатся постановления, определяющие условия, при наличии которых судебный приговор или судебное решение не могут быть признаны правильными и которые требуют их безусловной отмены или изменения.

Буржуазные законодательства своими процессуально-кассационными или ревизионными правилами всемерно стараются обеспечить такое направление работы судов, которое полностью отвечало бы классовым вождениям буржуазии. Судебно-кассационная практика буржуазной юстиции дает тысячи примеров того, как малейшее отступление суда от классовой линии буржуазии вызывает немедленное и точное реагирование со стороны вышестоящих контрольных судебных органов, пускающих в ход в соответствующих случаях все искусство юридического

крючкотворства и юридической софистики. В этом отношении особенно преуспевал, например, в дореволюционной России Правительствующий сенат, стяжавший себе печальную славу своими пресловутыми «сенатскими разъяснениями», являвшимися зачастую прямым издевательством над собственным законом, но зато полностью служившими интересам царского строя.

Буржуазное право ревностно оберегает авторитет своего суда, энергично добиваясь максимального влияния через суд на «общество», на население. Это вполне естественно, так как в авторитетности судебных приговоров и решений и заключается основной источник этого влияния. Авторитетности решений своего суда буржуазная юстиция добивается путем осуществления искусно и тонко построенной системы мероприятий, якобы опирающихся на принципы «равенства», «справедливости», «демократичности» и т. д. и т. п. Буржуазная судебная машина, как и вся буржуазная государственная машина, действует при помощи насилия, обмана, дешевой демагогии, подкупа своих судей всякими привилегиями и преимуществами, воспитания в них определенной психологии, навыков, традиций, обеспечивающих работу судов в желательном для буржуазии направлении.

Принципиально иначе обстоит дело в советской судебной системе. Авторитет советского суда обусловлен силой социалистической правды, которой он служит.

Советское право преследует задачи, принципиально иные, чем задачи, преследуемые буржуазным правом.

Советское социалистическое право преследует задачи, направленные на преодоление сопротивления классовых врагов и их агентуры делу социализма, на обеспечение завершения социалистического строительства и постепенного перехода к коммунизму. Этим же задачам служит и советское процессуальное право, определяющее условия и порядок деятельности следственных, прокурорских и судебных органов СССР вообще и, в частности, в области вынесения судебных решений и приговоров, а также определяющее методы и формы их проверки и исправления.

В этой последней области советское право устанавливает ряд правил, обеспечивающих правильность и законность судебных решений и требующих изменения или отмены этих решений в случае нарушения судами соответствующих законов.

Авторитет советского суда обусловлен величием принципов, которыми он руководствуется, величием задач, стоящих перед ним как перед судом социалистического государства рабочих и крестьян. Советский суд — родное детище советского государства, плоть от плоти и кость от кости нового, социалистического общества. Он служит интересам трудящихся, интересам народа, он — народный суд в прямом и истинном смысле этого слова. Таково же и советское право, в частности советское процессуальное право.

Советское процессуальное право обеспечивает судебной деятельности все условия, необходимые для успешного разрешения стоящих перед советским судом задач. Одним из таких условий является соблюдение правил, установленных законодателем в целях гарантии правильности течения самого процесса рассмотрения судебных дел и вынесения правильных, т. е. соответствующих фактическим условиям и требованиям закона, справедливых решений по этим делам.

Закон предвидит возможность нарушения этих условий. В случае этого нарушения судебный приговор или судебное решение становятся неюлоценными, теряют свою силу и влекут за собой их изменение или отмену.

Так, ст. 26 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» (СЗ СССР 1924 г. № 24, ст. 206) устанавливает следующие основания для отмены приговоров: а) нарушение форм судопроизводства, которое помешало суду всесторонне рассмотреть дело и повлияло или могло повлиять на вынесение правильного приговора, и б) неправильное применение наказания.

Статьи 413 — 415 УПК РСФСР и соответствующие им статьи уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик, указывая основания к отмене приговоров в кассационном порядке, прямо говорят о таких нарушениях форм судопроизводства, которые «...помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на вынесение правильного приговора».

К числу этих нарушений относятся такие обстоятельства, как недостаточность и неправильность проведенного следствия, существенное нарушение форм судопроизводства, нарушение или неправильное применение закона, явная несправедливость приговора. К числу таких нарушений относится также неправильный состав суда, неправильное истолкование закона, рассмотрение дела в отсутствие обвиняемого в случаях, когда это не разрешается законом, и т. д.

Таким образом, в самом законе с достаточной решительностью подчеркивается важность соблюдения судом тех условий, наличие которых, по мысли законодателя, должно гарантировать правильность судебного приговора.

Нарушение этих условий должно влечь за собой, как правило, отмену приговора или его исправление в установленном законом порядке. В случае невозможности исправления приговора при кассационном рассмотрении дела оно должно быть передано на новое рассмотрение. Приговор может считаться правосудным лишь в том случае, когда будут исключены все сомнения в его обоснованности и правильности. В советском процессуальном праве этот принцип выражен с наибольшей последовательностью, в полном соответствии с общими принципами советского судебного процесса, являющегося самым демократическим процессом в мире.

§ 3. Демократизм советского процессуального права и судебного процесса

Последовательный социалистический демократизм советского судебного процесса обуславливается самой организацией советского суда, являющегося народным судом в подлинном смысле этого слова. Он обуславливается, далее, методами работы советского суда, лишенными бюрократического формализма, того, чем насыщена деятельность буржуазных судов, плетущих паутину юридической схоластики и крючкотворства. Демократизм советского судебного процесса обуславливается, наконец, задачами советского суда, не только карающего, но и воспитывающего и перевоспитывающего остальные элементы общества. В этой воспитательной работе советского суда заключается принципиальная особенность советского правосудия как одного из способов повышения культурно-политического уровня масс, как одного из способов переделки психологии людей, искоренения из их сознания старых, капиталистических пережитков.

Буржуазному «правосудию» чужда эта функция. Буржуазное «правосудие» — это Молох, которому приносятся кровавые человеческие жертвы. Буржуазный суд, как и буржуазный закон, представляет собой страшное орудие подавления и устрашения, помноженных на умственное и нравственное рабство людей.

Советское правосудие, наоборот, — это гигантская культурная сила, направленная на борьбу против сохранившихся еще в сознании людей пережитков, «традиций капитализма», мешающих делу социалистического строительства, это сила, организующая массы, воспитывающая волю, содействующая укреплению новых традиций, новой, социалистической психологии.

Будучи абсолютно независимым, объективным и беспристрастным в своем отношении к фактам, явлениям, событиям, подчиняясь исключительно закону, советский суд выполняет также роль пропагандиста нового права, нового, социалистического правосознания, способствуя укреплению в обществе новых привычек, нового отношения к государству, к труду, к своим обязанностям, к своему долгу. В этом смысле деятельность советских судебных органов, отвечающих всей практикой своей работы задачам борьбы за социализм, задачам переустройства общества на социалистических началах, является деятельностью государственной, политической в широком смысле этого понятия. В этом смысле надо понимать слова Ленина о советских судах как «государственно-политических судах». Советские суды активно участвуют в государственном строительстве, являясь проводниками политики советского государства. Эта политика направлена на уничтожение сопротивления делу социализма со стороны его врагов, на укрепление диктатуры пролетариата, власти советов, уважения к правилам социалистического общежития, государственной дисциплины.